

А. Л. ЯКОБСОН

ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ АРХИТЕКТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ХЕРСОНЕСА

Закономерности в развитии средневековой архитектуры наиболее отчетливо прослеживаются в зодчестве крупных центров — городских и монастырских¹. Однако архитектурный материал из провинциальных и отдаленных областей, лежащих в стороне от них, важен не только сам по себе, но и для дополнительного обоснования закономерностей развития. К таким областям относится и Таврика.

Архитектура в этой византийской провинции и, прежде всего, ее столицы — Херсона (Херсонеса) в этом отношении очень интересна и выразительна. Правда, не все этапы ее всеобщего развития представлены здесь — вероятно оттого, что не всегда имелись достаточные материальные возможности для возведения технически и художественно сложных сооружений, да и вряд ли были необходимые для этого высококвалифицированные кадры. Но Херсонес в средние века существовал на протяжении тысячелетия, и поэтому на его архитектурном материале яснее и полнее, чем во многих других регионах, видны направление и судьба процесса развития зодчества.

Обратимся к раннему средневековью — V—VII векам.

Архитектурный материал того времени в Херсоне разнообразен и показателен. Но, чтобы понять его, следует обратиться к некоторым общим явлениям, на фоне которых он только и может приобрести подлинный смысл.

Самый ранний этап в зодчестве средневековья — это архитектура замкнутой христианской общины, сельской или городской. Он представлен многочисленными малыми храмами IV и V вв. в Малой Азии, в Сирии, Месопотамии, в Армении и Грузии — церквями большей частью однефными, но нередко и трехнефными, столь же замкнутыми, как и сами общины; церкви отличаются массивными стенами, полностью лишены какой-либо разработки, их освещают лишь немногие щелевидные окна; интерьер погружен в «божественный мрак», способствовавший, по понятиям того времени, общению с божеством. Об этом писал идеолог христианства Псевдо-Дионисий Ареопагит² еще в конце V или начале VI в.

Несомненно, такие замкнутые церкви были и в Херсонесе, но в процессе длительного и настойчивого насаждения христианства они были уничтожены, чтобы уступить место большим храмам, как это происходило и в городах центральных византийских областей — Константинополе, Фессалониках, повсеместно в Греции, в западной части Малой Азии в противоположность христианскому Востоку.

Но с победой христианства, с закреплением позиций и власти церкви надобность в такого рода малых церквях, словно отрешенных от внеш-

¹ См.: *Якобсон А. Л.* Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры. Л., 1983.

² См.: *Аверинцев С. С.* Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к средневековью // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 54, 57.

него мира, отпала. Наоборот, появилась потребность в храмах максимально вместительных, предназначенных *для всех*. В наибольшей степени этому требованию удовлетворяла базилика — простой в своей основе трехнефный храм, перекрытый деревянными фермами. Базиликальная структура была принята во всех странах Восточного Средиземноморья и Закавказья — в центральных областях Византии, в Греции, в Малой Азии, в Сирии, в Месопотамии, в Армении и Грузии, но везде — это важно подчеркнуть — в формах более или менее сильно различающихся, что особенно ощутимо при сравнении, скажем, базилик Греции и Сирии или даже соседних Сирии и Малой Азии.

В Херсоне этот этап широко представлен целой серией больших базилик эллинистического типа в виде трехнефных зал, с рядами колонн и выступающей апсидой (у более древних базилик — снаружи гранной, у более поздних — полукруглой). Раскопками открыты остатки 10 базилик (рис. 1, 2)³. Главной из них была, несомненно, так называемая Уваровская базилика, о чем говорит ее наибольший размер, наличие атриума с фиалом и само расположение храма: к нему ведет одна из наиболее широких улиц, непосредственно переходящая в нартекс (рис. 3).

Базилики Херсонеса внутри выглядели довольно скромно, но все же не оставались без украшения: полы, преимущественно боковых нефов, были выложены орнаментальной мозаикой, стены нередко облицовывались мраморными плитами, конха апсиды сплошь покрывалась голубой мозаикой. Зато снаружи эти обширные храмы были аскетически скромны, фасады не разработаны; единственным их украшением являлась смешанная кладка (*opus mixtum*) с чередованием слоев подтесанного камня и кирпича. Эффект здания заключался внутри него. Эта особенность закономерна самым различным по композиции базиликама.

Характерно, что, как показали раскопки, одну из базилик, первоначально построенную в V в., в следующем столетии сочли необходимым расширить. Она находится на северном берегу города и раскопана в 1935 г. (рис. 1 а)⁴. Такого рода перестройка (расширение храма) отвечала велению времени. Можно поэтому думать, что она была в Херсонесе не единственной в то время.

По своей форме базилики Херсонеса довольно однообразны и наиболее близки к константинопольской архитектурной школе, в чем убеждают также памятники, как храм Студийского монастыря (463 г.). Постоянная связь Херсонеса с Константинополем в то время и зависимость от него — политическая и культурная — делает вполне понятной такую близость. Поэтому монументальная архитектура Херсонеса того времени в особую область раннесредневекового зодчества выделена быть не может, что подтверждают и ее существенные отличия от базилик Греции и, тем более, — Малой Азии, Сирии и других стран. Совпадает лишь сам базиликальный принцип, доминировавший во всех странах Восточного Средиземноморья и Закавказья, что объясняется глубокими социальными причинами, о которых говорилось выше. В этом нельзя не видеть одно из проявлений закономерности развития архитектуры при различии конкретных форм базилик. Влиянием эту принципиальную общность объяснить нельзя.

Дата большинства базилик Херсонеса вряд ли выходит за пределы VI—может быть, начала VII в. В этом убеждает не только множество аналогично датированных церквей Греции, Константинополя и Малой

³ Две базилики, западная и восточная. (рис. 2а, б), находятся на окраинах города, на северном берегу расположены сразу 4 базилики: Уваровская, № 22 (рис. 1б) и базилики, раскопанные в 1935 г. (рис. 1а) и 1932 г.; одна — на акрополе (рядом с новым собором), две в западной части города, наконец одна — так называемая базилика Круже с триконхальной алтарной частью — в юго-восточном районе города, на спуске к Карантинной бухте. Обзор материала см.: *Яковсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. 63. Гл. III.

⁴ *Белов Г. Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1935—1936 гг. Симферополь, 1938. С. 80—89.

Азии, но и общая историческая ситуация в Северном Причерноморье: активная византийская политика в этом районе, особенно при императоре Юстиниане, стремившемся укрепить власть империи, прежде всего в столице края — в Херсонесе, а также усиление влияния церкви, что требовало интенсивного строительства больших базилик⁵.

Большинство их было центральной постройкой целого архитектурного комплекса, включающего усыпальницу, меморию, крещальню, принадлежавших уже иным архитектурным темам — центрическим.

Прежде всего кратко остановимся на крестообразных постройках — мавзолеях-мавзолеях, пристроенных к базиликам (восточной и западной) (рис. 2), но возводили их и отдельно. Таких в Херсонесе открыто три; один — на агоре (на акрополе; остатки его сохранились под нынешним новым собором), другой — в центре города (№ 19) и третий — за городом, сооруженный над пещерным склепом.

Крестообразный храм № 19 с апсидальным полукружием имел с северо-восточной стороны пастофорий с апсидой и водоемом, служивший крещальней; в алтарной апсиде с синтроном была замурована мощехранительница VI в. Загородный храм, входивший, как убедительно показал Д. В. Айналов, в состав монастыря Богородицы Влахернской с усыпальницей Мартина I⁶, имел форму креста с равными ветвями и входом со всех четырех сторон, не позднее, вероятно, в конце VI или начале VII в. превращен в церковь с синтроном в восточной ветви креста (как в церкви № 19).

Ветви всех этих меморий-мавзолеев были, несомненно, перекрыты полуцилиндрическими сводами, а центральная часть наиболее крупных из них, отдельно стоящих, возможно, имела, судя по толщине стен (более 1 м), кирпичный свод (купол), как в аналогичном мавзолее Галлы Плацидии 425 г. в Равенне (Италия). Стены мавзолеев, пристроенных к базиликам, были тоньше и вряд ли могли выдержать купол; средокрестье скорее всего венчалось деревянным шатром.

Крестообразные мавзолеи в странах Восточного Средиземноморья в эпоху раннего средневековья были, как известно, явлением повсеместным, особенно на христианском Востоке; поэтому связать их форму, античную по происхождению, с каким-либо определенным архитектурным кругом того времени затруднительно. Но больше всего аналогий начиная с IV в. дает Малая Азия⁷. В Константинопольской архитектур-

⁵ В последнее время появилось иное мнение относительно дат базилик Херсонеса. См.: *Кутайсов В. А.* Четырехапсидный храм Херсонеса // СА. 1982. 1. С. 165. Автор отдает предпочтение концу VI, но главным образом VII в., ссылаясь на старые работы (*Бертье-Делагард А. Л.* Раскопки Херсонеса // МАР. 1893. 12. С. 33, 51; *Репников Н. И.* О датах базилик Херсонеса // Архив ЛОИА, р=1. Ф. 10. № 3. Л. 51, 52) и на материалы раскопок Уваровской базилики (*Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе за 1901 г. // ИАК. 1902. Вып. 4. С. 81), а также на отсутствие указания на храмовое строительство в Херсонесе в трактате Прокопия — современника Юстиниана (*Procop. Caesar. De aedificiis*. III. 7; рус. пер. см.: ВДИ. 1939. 4. С. 249). Но все эти ссылки неубедительны. А. Л. Бертье-Делагард указывает неопределенную дату (VI или конец VI — начало VII в.), исходя лишь из самых общих соображений, ничего определенного не заключающих. Документальный материал приводит лишь К. К. Косцюшко, исследовавший Уваровскую базилику и сообщающий, что западная стена притвора (нартекса) прошла над колодцем (к), в котором найдено 112 монет, в том числе монета Флавия Тиберия Маврикия (582—602), что свидетельствует, по мнению К. К. Косцюшко, о том, что базилика «не могла быть сооружена ранее VII в.» (*Косцюшко-Валюжинич К. К.* Указ. соч. С. 81; ОАК за 1901 г. С. 34). Но западная стена нартекса могла быть переложена в конце VI или начале VII в. и дату основного здания базилики поколебать не может. Что касается Прокопия, то и это соображение столь же неубедительно, так как он писал трактат по собственным наблюдениям и в Таврике не бывал, а сведения о византийском строительстве в этом крае носят самый общий характер, без конкретных указаний. Говоря о датах базилик Херсонеса, автор почему-то не использовал большой параллельный материал, приведенный в нашей монографии (*Яковсон А. Л.* Указ. соч. С. 177—178, 182—185).

⁶ *Айналов Д. М.* Мемория св. Климента и св. Мартина в Херсонесе. Древности // ТМАО. 1916. XXV. С. 81 и след.

⁷ Библиографические указания приведены в кн.: *Яковсон А. Л.* Указ. соч. С. 204—205. Кстати сказать, рельеф на водоеме в крещальне крестообразного храма № 19

ной школе крестообразные мавзолеи встречаются реже, зато наиболее полное сходство имеет упоминавшийся мавзолей Галлы Плацидии в Равенне, архитектура которого тяготеет к византийскому Востоку.

Более определенные указания в этом отношении может дать небольшая, но монументальная купольная крещальня, построенная в VI в. рядом с Уваровской базиликой⁸ (рис. 3).

Появление в Херсонесе купольной, хотя и небольшой постройки знаменательно. Она связана с новым этапом в развитии монументальной архитектуры не только восточносредиземноморских стран, но и всего Ближнего Востока, включая Закавказье, а также Ирана — купольной, наиболее совершенной архитектуры. Базилика как форма культового здания всюду кроме Сирии (но это особая тема) начала отходить в прошлое. Процесс этот везде имел одно и то же содержание, одинаковую направленность, хотя формы проявления его были повсюду различны. Определяющей и здесь была закономерность развития.

В основе этих разительных перемен были идейные предпосылки, ясно обозначившиеся еще в V в. и вполне оформившиеся в VI в. Они выразили новые тенденции в господствующей христианской идеологии, направленные, в конечном счете, на усиление влияния церкви. Средством служили художественные формы монументальной культовой архитектуры.

В VI в. менялась литургия, олицетворявшая основные идеи восточнохристианского мировоззрения. Каждому обряду стали придавать символический смысл. Храм начали трактовать как вселенную, космос. Средоточием храма должен был стать небесный свод, воплощенный в куполе, который приобрел значение великого символа. Эта идейная концепция зарождалась еще в IV в. со времени Евсевия Памфила, Феофила и Василия Великого⁹. Так был проложен путь к возрождению купола — еще античной формы (напомним римский Пантеон, начало II в. н. э.). Но поначалу куполом перекрывали лишь небольшие центрические здания — мартирии и баптистерии; церковь в то время еще не была подготовлена к осуществлению концепции своих идеологов, шедших впереди времени, а зодчие еще не нашли адекватных их идеям форм. Это произошло только в VI в., когда куполом стали венчать и большие храмы¹⁰.

Как видим, эти архитектурные новшества и перемены не обошли и далекий Херсонес, хотя и получили здесь отражение весьма скромное и провинциальное — очевидно, в силу отсутствия материальных возможностей создания больших купольных зданий. Но и небольшая купольная крещальня, возведенная здесь, очень показательна. Она, как я старался показать, отражает глубоко закономерный процесс, охвативший огромный район.

По своей архитектуре Уваровская крещальня представляет собой крайне упрощенный и вместе с тем очень своеобразный вариант центрической византийской композиции, сложившейся к VI веку в виде увенчанного широким куполом круглого или октогонального пространства, куда обращены экседры — четыре или более, — окруженные обходом. Композиция эта представлена такими памятниками, как церковь Сергия и Вакха в Константинополе (527 г.) и Сан Витале в Равенне (546—548 гг.). Упрощенность Уваровской крещальни вызвана была малыми

(кипарисы по сторонам креста под аркой) находит точную аналогию именно в Малой Азии, и также на лицевой стороне водоема для крещения. См.: МАМА. VII. 1956. № 8. 3006. S. 67. Taf. 18.

⁸ См.: *Якобсон А. Л.* Указ. соч. С. 207—211.

⁹ Сочинения Евсевия Памфила. СПб., 1848. Т. I: Церковная история. С. 563—574 (о церкви в Тире); Сочинения древних христианских апологетов. М., 1867. С. 199—200; Творения Василия Великого. СПб., 1911. Т. I. С. 10; *Комеч А. И.* Символика архитектурных форм в раннем христианстве // Искусство Западной Европы в Византии. М., 1978. С. 220.

¹⁰ Восторженное описание большого купольного храма содержит гимн в честь храма в Эдессе (в южной Сирии), написанный в VI в. См.: *Dupont-Sommer A.* Une hymne syriaque sur le cathédrale d'Edesse // Cahiers Archéologiques. 1947. II. P. 30—31.

размерами здания и выражается в отсутствии обхода, а экседры выступают наружу и лишены колонн (создающих ажурность), они монолитны. Но все же зависимость Херсонесской крещальни от византийских композиций несомненна, и потому это здание вернее всего отнести к столичной архитектурной школе к купольному этапу ее развития.

Другое центрическое купольное здание в Херсонесе было открыто в юго-западной части города и представляет собой более крупную постройку — тетраконх в виде четырех больших экседр, обращенных к центру здания, некогда, несомненно, перекрытого куполом, на что указывает массивность устоев на стыке экседр (2,5—3 м), как и толщина стен (1,4 м) при общем диаметре здания внутри 19 м. Являлось оно, по всей вероятности, мавританским и также относится к раннему средневековью — скорее всего, ко второй половине VI в.; В. А. Кутайсов датирует его, как и базилики, VII веком¹¹.

Следующие два столетия — VII и VIII — наиболее темные в жизни города. Это, по-видимому, века экономического застоя, на что указывает прекращение чекана собственной монеты, иначе говоря, резкое сокращение денежного обращения и торговли. С другой стороны, на Херсонесе не могли не отразиться внешние политические перемены: в 30-х годах VII в. от Византии отпали захваченные арабами Сирия, Палестина и Малая Азия, торговля с которой питала город. О резком упадке Херсонеса и о голоде в нем красноречиво говорят сообщения папы Мартина, сосланного сюда в 655 г. Продовольствие изредка привозили в город суда из Италии и Понты (т. е. Малой Азии). Херсонес в это время обезлюдел, обнищал и словно вымер. Не случайно и отсутствие в Херсонесе ясно выраженного культурного слоя VIII и даже первой половины IX в., до сих пор не выявленного. Наконец, вторая половина VII и VIII столетия ознаменовались передвижением в Таврику болгарских племен, нахлынувших сюда из Приазовья после распада союза племен Великой Болгарии, входившего в состав Хазарской державы. Население захиревшего Херсонеса начало, вероятно, покидать его, переселяться в сельскую округу и на южный берег, во вновь народившиеся поселки — в районы, где именно тогда возникли большие гончарные центры.

Все это не могло не сказаться на монументальном строительстве, которое в Херсонесе прекратилось. Но в X в. намечались коренные перемены в общей экономической и социальной обстановке в обширной зоне стран Восточного Средиземноморья, Причерноморья, Восточной Европы и Закавказья. Вторая половина средневековья (IX—X—XIV—XV вв.) — это эпоха окончательного сложения феодальных отношений, повсеместного и интенсивного роста городов — ремесленных и торговых центров¹², роста монастырского землевладения, что в целом оказало непосредственное и сильное влияние на зодчество. Вместе с тем, это эпоха сложения и усиления югославянских стран (Сербии, Болгарии), возникновения Русского государства, возрождения стран Закавказья (Армении и Грузии), образования рядом с ними мусульманского Азербайджана. Все эти процессы, шедшие более или менее одновременно, в целом, позволяют говорить о наступлении новой эпохи в названных странах.

Не обошли они и Херсонес, жизнь в котором в X в. также начала оживляться. Возобновилась чеканка собственной монеты, продолжавшаяся весь X в.; о расширении производства и торговли свидетельствуют и печати херсонесских коммерциариев, о возрождении города говорит и усиленная его застройка в конце IX и в X вв., что установлено раскопками. Археологический слой того времени, датируемый множеством монет, наиболее мощный среди других средневековых слоев городища. Возобновилось и монументальное строительство, памятники которого

¹¹ Кутайсов В. А. Указ. соч. // СА. 1982. I. С. 155—169.

¹² Острогорский Г. А. К истории иммунитета в Византии // ВВ. 1958. XIII. С. 56. Ср.: С. 62, 64, 99; Удальцова З. В., Осипова К. А. Отличительные черты феодальных отношений в Византии // ВВ. 1974. 36. С. 9; Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977. С. 41—42.

дошли до нас. К X—XI вв. можно отнести церковь на агоре (рядом с нынешним собором), пятиапсидный храм в западной части города (уничтоженный немецко-фашистскими оккупантами) и так называемый шестистолпный храм на северном берегу.

Новая эпоха поставила перед зодчими новые проблемы. Под влиянием глубоких социальных перемен и порожденных ими идейных сдвигов сложился новый архитектурный стиль. Проявления его были многочисленны и многогранны. Он сказался и в архитектурной композиции, и в сокращении масштабов зданий — храмы в ту эпоху большей частью создавались для определенного круга общества: для прихожан того или иного городского квартала, в привилегированном и замкнутом монастыре, в княжеском замке. Время, когда храмы строились для всех, все больше отходило в прошлое. Зато уменьшение масштабов храмов все отчетливее и резче сопровождалось повышением их пропорций, усилением их вертикальной оси с целью выделить их среди окружающей застройки. Устремленность ввысь масс храма ассоциировалась с его красотой и придавала новое эмоциональное выражение архитектуре, рассчитанной на восприятие не только и не столько изнутри храма, сколько снаружи, что дало новый толчок к интенсивному развитию купольной архитектуры, специфичной в каждой стране. Экстерьер, т. е. наружный облик, с течением времени всюду и везде приобретал все большее, преимущественное значение.

Эти новые тенденции в развитии архитектуры наглядно передают названные памятники Херсонеса. Все они воспроизводят крестово-купольную структуру в виде вписанного креста и очень ограничены по внутренней площади.

Первый из них — храм на агоре (по счету Археологической комиссии № 29) — открыт еще в 1861 г.¹³ (рис. 4 а). Композиция храма представляет собой вписанный крест «простого» варианта (без вимы), т. е. с приблизительно равными ветвями креста и с выделенными, почти изолированными угловыми помещениями. У храма — одна полукруглая апсида, а вдоль южной стороны шла узкая галерея. Размеры храма небольшие: внутри 16×19 м (вместе с апсидой), ширина ветвей креста — около 5 м.

Ветви креста, судя по толщине стен, были перекрыты полуцилиндрическими сводами, крестообразно сходящимися к центру, увенчанному куполом на барабане. Угловые части были несомненно понижены, выделяя основной архитектурный крест. Учитывая общую композицию, а также кладку из крупных гладкотесаных блоков и наличие одной апсиды, здание это вернее всего отнести к IX в.

Основная архитектурная особенность храма — расчлененность его внутреннего пространства, крайне ограниченного и как бы сжатого. Именно эти качества были характерны для нового этапа средневековой архитектуры всех стран средиземноморского бассейна, включая и Причерноморье.

Правда, на христианском Востоке этот стиль формировался еще в раннем средневековье — в VI—VII вв. Такие храмы известны в Сирии и Месопотамии¹⁴, но чаще они встречаются в Малой Азии¹⁵, однако полностью такая композиция утвердилась лишь в эпоху зрелого средневековья — в IX в. В этом убеждают ближайшие аналогии херсонесскому храму — церкви VIII в. на островке близ Амастры на южном берегу Пропонтиды (т. е. на северном побережье Малой Азии), в Фессалони-

¹³ Якобсон А. Л. Указ. соч. С. 215—217.

¹⁴ В северной Сирии — иль Андерин (VI в.), в Месопотамии — Загородная церковь VI в. в Русафе. См., например: Брунов Н. И. Очерки по истории архитектуры. М., 1935. II. С. 485—486.

¹⁵ Они известны в Бинбиркилисе (Каппадокия), в Махалеч (в Ликаонии), такова застройка V в. к базилике Аладжа-Яйла (Ликаония) и другие (см.: Ramsay W., Bell G. The thousand and one Churches. L., 1909. Fig. 148, 198; Rott H. Kleinasiatische Denkmäler. Leipzig, 1908. S. 318, Abb. 118; Strzygowski J. Kleinasien. Leipzig, 1903. S. 139).

ках — храм IX в. Кераментимджами¹⁶, в западной части Малой Азии, в древней Аполлонии (в районе Пергама)¹⁷ (рис. 4 г—е) и в византийской столице — храмы IX в. без предполагаемых обходов — (галерей) — Календер (Христа Акаталепта?) и Атик (церковь Петра и Марка?)¹⁸.

Данное направление было специфическим и, как говорилось, глубоко закономерным явлением. Здесь нам важно подчеркнуть, что рассматриваемый памятник на херсонесской агоре относится именно к нему. Херсонес, как видим, не выпадал из цепи закономерного развития средневекового зодчества в обширном регионе Восточного Средиземноморья.

Другой памятник — так называемый пятиапсидный храм в западной части городаща, открытый в 1906 г.¹⁹ (рис. 4б). Он принадлежит к тому же крестово-купольному типу в виде вписанного креста «простого» варианта, т. е. без вимы, и с изолированными угловыми помещениями; отличался он лишь выступающими тремя апсидами и наличием двух приделов, также с апсидами; с западной стороны находился узкий нартекс.

Внутреннее пространство здесь еще сильнее сжато, площадь для прихожан еще больше сократилась. Данная черта, как и кладка из сравнительно мелких квадров (хорошо пригнанных и отесанных,) указывают на более позднюю дату, чем храм на агоре, что подтверждают и нумизматические находки при раскопках, позволяющие датировать здание первой половиной X в.

«Пятиапсидный» храм был несомненно купольным, как и храм на агоре, но о пропорциях его судить невозможно из-за ничтожной сохранности стен. Все же можно думать, что основной крестовообразный массив здания, следуя тенденциям своего времени, был несколько повышен, а угловые части и приделы — понижены; общий контур храма, благодаря этому, был пирамидальным. Такая особенность принципиально отличает его от византийского столичного зодчества X в. и последующих времен, тем что внутренний крест крестово-купольного здания, встречающегося в столице исключительно в «сложном» виде, начинает сливаться с остальными частями здания благодаря исчезновению внутренних стенок.

Таким образом, можно признать, что зодчество провинциального Херсонеса X в. продолжало более тяготеть к Малой Азии, чем к столице, что тем не менее не может заслонить их связь с закономерным процессом архитектурного развития, общим и для Константинополя, и для Малой Азии.

Существенные отличия имеет так называемый «шестистолпный» храм (№ 34) в северной части города на берегу бухты²⁰. Это небольшое двухэтажное крестово-купольное здание. Верхняя церковь была четырехстолпной, причем устоями служили колонны (сохранились круглые следы их). С восточной стороны располагались три полукруглые апсиды. Столбы образуют квадрат 3,2×3,2 м, некогда, очевидно, перекрытый куполом на барабане. С западной стороны поставлены два устоя (один из них сохранил крещатость), соединявшиеся арками и отделявшие узкий пониженный нартекс. Внутри размер церкви без нартекста — 8×12 м.

Стены сложены из бутового камня, положенного на толстом слое раствора более или менее правильными рядами и подтесанного с лицевой стороны. Нижняя часть здания никаких проемов не имела и представ-

¹⁶ См.: *Якобсон А. Л.* Указ. соч. С. 218. Рис. 112.

¹⁷ *Mango C.* The Monastery of St. Constantine on Lake Apolyont // *Dumbarton Oaks Papers.* 1979. Vol. 33. P. 229—232.

¹⁸ См., например: *Брунов Н. И.* Архитектура Византии // *ВИА.* 1966. 3. С. 87, 88.

¹⁹ *ОАК* за 1906 г. С. 66—78; *Brunov N.* Une église byzantine à Chersonèse // *Orient et Byzance.* IV: L'art byzantin chez les Slaves. 3-me partie. P., 1930. P. 25—34; *Якобсон А. Л.* Указ. соч. С. 218—220.

²⁰ *Лепер Р. X.* Отчет о раскопках церкви // *Херсонский сборник.* 1931. III. С. 109—117; *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес // *МИА.* 1950. № 17. С. 231—234.

ляла собой костницу с массивными глухими стенами²¹. А верхняя часть, собственно церковь, являла иную картину. Все ее внутреннее пространство с узкими и короткими ветвями креста не было расчленено, наоборот, объединялось вокруг подкупольного объема. Выделен лишь нартекс. У верхней церкви стены были, по наблюдению Р. Х. Лепера, значительно уже и имели, возможно, облицовку каменными плитами и членение лопатками. Верхняя церковь была украшена мозаичным полом, зафиксированным М. И. Скубетовым.

Общий тип храма, полубутовая кладка и мозаичный пол склоняют нас к датировке его XI веком.

К заданию № 34 во всех отношениях очень близка совсем небольшая церковь — усыпальница в западной части северного берега города (по нумерации Археологической комиссии — № 9)²² — четырехстолпная, крестово-купольная, с тремя апсидами, из которых средняя выступает сильнее, и с нартексом. Нижний этаж занимала усыпальница, довольно сложная по планировке; она состоит из четырех массивных столбов, соответствующих верхним, трех продольных коридоров, крытых сводами, и усыпальниц в восточном конце их. Кладка здания, как и церкви № 34, — из подтесанного с лица бутового камня.

Церковь № 9 еще меньше, чем № 34, ее внутренние размеры всего 5,8×7,7 м (включая апсиду); она также лишена членений (лишь внутри стены имеют лопатки, на которые опирались арки, соединявшие устои). Фасады выглядят монолитно.

В таком виде оба эти здания принадлежат уже следующему этапу монументального зодчества восточносредиземноморских стран. Основная особенность их — это компактность объединенного внутреннего пространства с подкупольным объемом в центре, притом очень малого по площади и рассчитанного, очевидно, на очень ограниченный круг прихожан (может быть, одного-двух кварталов северо-восточного района города). Какая огромная разница между этими церквями и вместительными базиликами V—VI вв.! Объединенности всех частей храма способствует и замена в храме № 34 массивных столбов тонкими колоннами (может быть, в храме № 9 были также колонны?).

Такого рода храмы появились в X—XI вв. в самых различных странах — и в Константинополе, и в Греции, и в югославянских странах, и в Малой Азии (в Трапезунде), но везде с теми или иными локальными отличиями. Это была опять-таки закономерная ступень в развитии монументальной архитектуры, проявившаяся повсеместно в период, когда церкви строились не для всех, а для замкнутого круга прихожан — обитателей жилого квартала города, городка или в монастырях, многочисленных, но мелких.

Однако композиционно наиболее близкие к херсонским храмы мы наблюдаем в Болгарии с ее церквями «простого» варианта, что уже одно отличает их от столичных храмов «сложного» типа. Это церковь Иоанна в Месемврии (Несебре) XI в., также с тремя апсидами, со слабо расчлененными фасадами (как, вероятно, и херсонские церкви № 34 и 9) и с аналогичной кладкой из полубутового камня, но еще с массивными столбами, а не колоннами²³, или церковь в селе Герман у Преспанского оз. (в северной Македонии), 1006 г., также со столбами и с нартексом. Общим зданиям свойственны приземистые пропорции. Очень близкие — и по композиции, и по строительной технике — церкви мы находим и в Греции. Назовем церковь Созона в Гераки (в Аттике), в Скала (бл. Гитион), Асомато в Булариях²⁴. Но тогда же, уже в XI в., в Преславе появились и храмы со свободно стоящими изолированными колоннами —

²¹ Лепер Р. Х. Указ. соч. С. 112; Брунов А. Н. К вопросу о болгарских двухэтажных церковных гробницах // Изв. на бълг. археол. институт. 1927. IV. С. 142—143.

²² Подробнее см.: Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес. С. 235—237.

²³ Миятев Кр. Архитектурата в средновековна България. София, 1965. С. 106—108.

²⁴ Millet G. L'école grecque dans l'architecture byzantine. P., 1916. P. 181, 239, 271.

храмы, близкие херсонесскому (№ 34)²⁵. В дальнейшем такая структура в монументальной архитектуре Византии, Греции, югославянских стран стала преобладающей. Но об этом ниже.

Таким образом, херсонесская церковь № 34 со свободно стоящими колоннами, а вместе с ней и церковь № 9 не выпадают из последовательно шедшего процесса развития, вполне соответствуют в нем формам, определившимися велениями времени, т. е. в конечном счете социальными условиями, а не субъективными влияниями. Иначе говоря, они были вполне закономерным явлением в архитектурном развитии восточносредиземноморских стран, как и предыдущая группа в виде вписанного креста.

К следующему этапу развития средневековой архитектуры мы можем отнести две другие, также крестовокупольные церкви Херсона — № 21 и № 6. Первая из них (№ 21) (рис. 5 а), находящаяся в бывшем монастырском саду, на северном склоне города, открыта раскопками 1895 г. и доследовалась еще в 1909 г.²⁶ Построенная на глубоко заложенном фундаменте небольшая крестово-купольная церковка с четырьмя устоями также «простого» типа, т. е. с равными ветвями креста, и с нартексом. Внутренние размеры наоса 5,3×7 м. Устой в своей нижней части, судя по одному из них, имели крещатый разрез, но на плане храма, составленном после раскопок М. И. Скубетовым²⁷, показаны четыре колонны, а не столбы; крещатыми были, вероятно, лишь их основания. Сохраняя крестово-купольную схему, храм имеет и ряд особенностей, придающих ему особый художественный облик. Во-первых, в храме лопатки имеются не только внутри здания, но и снаружи; они расположены в полном соответствии друг с другом и, очевидно, с внутренними устоями, причем наружные лопатки — двухступчатые и образуют глубокие впадины стены, чего в предыдущих зданиях не было. Благодаря такому глубокому и развитому расчленению фасады церкви приобрели пластичность. Стены, таким образом, трактовались как заполнение интервалов между основными структурными элементами. Эту особенность мы наблюдаем в византийском зодчестве уже в XI в., притом уже в развитом виде (Панатгия Халкеон 1028 г. в Фессалониках и церковь Христа Пантепопта, ныне Эски-Имарет в Константинополе), затем в XII в. (церковь Феодоры, ныне Килисе-джами там же)²⁸, но обычной и обязательной эта черта стала в XIII—XIV вв., особенно в Болгарии и Сербии²⁹. Наоборот, крестово-купольные здания Греции и греко-восточных областей лишены этой особенности.

Трехступчатые в плане лопатки усиливали вертикаль в композиции храма, которая, несомненно, была свойственна ему и отличала от рассмотренных выше.

Другим важным признаком является уступчатость плана изнутри средней апсиды, придающая ей «перспективность», а снаружи — гранность всех трех апсид (средняя — пятигранная, боковые — четырехгранные), что очень характерно для архитектуры Константинополя и югославянских стран преимущественно в XIII—XIV вв.

Наконец, важно отметить сочетание бутовой кладки храма с гладко тесаными блоками и конструктивно ответственными членениями (лопатки, углы, вероятно, и арки) и наличие снаружи облицовки из гладко тесаных плит, точно пригнанных друг к другу, при полном отсутствии кирпича. В столичной византийской архитектуре такая система кладки

²⁵ Миятев Кр. Указ. соч. С. 109—110.

²⁶ Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес. С. 237—239.

²⁷ Архив ГХМ. № 36. Л. 100.

²⁸ Ebersolt J., Thiers A. Les églises byzantines de Constantinople. P., 1913. Atlas. Pl. XXIX; для XIII—XIV вв. см.: Ibid. Pl. XLIX, LIV.

²⁹ См. свод материалов: Магровинов Н. Единокорабната и крестовидната църква на Българските земи до края на XIV в. София, 1931 (для XI—XII вв. редко: С. 25, 53; для XIII—XIV вв. обычно: С. 13, 45, 63, 70, 79, 81, 85, 92, 100, 102, 104); Миятев Кр. Указ. соч. Рис. 168—187, 191—195, 234—238, 242.

не встречается, зато она обычна в позднесредневековой архитектуре Малой Азии и прежде всего в Трапезунде (например, в храме Софии первой половины XIII в.) и в сельджукских постройках XIII—XIV вв. в районе Кони³⁰, техника и стиль которых находились в прямой зависимости от армянской средневековой архитектуры. Перенос строительной техники из Малой Азии в Херсонес был одним из проявлений повседневного общения этого центра Таврики с Трапезундом, определявшегося всей политической и экономической обстановкой того времени: в 1204 г. Трапезундское княжество превратилось в Трапезундскую «империю», от которой Херсонес и прилегающая к нему область на некоторое время (конец XII—начало XIII в.) был в зависимости. Связи Херсонеса с Сельджукией также хорошо известны.

Совершенно аналогична (вплоть до размеров) церковь № 6, расположенная в северо-восточной части города, рядом с главной улицей³¹ (рис. 56). Раскопана она в 1891 г.; сохранилось лишь основание, притом во фрагментарном виде, поэтому судить о деталях невозможно. Здание также являлось церковью—усыпальницей, крестово-купольной, четырехстолпной, «простого» типа с тремя апсидами и нартексом. Раскопки выяснили, что, подобно церкви № 21, устоями, как основными, так и отделявшими наос от нартекса, служили мраморные колонны. Стены внутри церкви имели против столбов лопатки; вероятно, они были и снаружи, но утрачены. Фасады были облицованы так же, как и стены церкви № 21, гладкотесаным камнем (сохранился цокольный ряд).

Оба небольшие херсонесские храмы-усыпальницы относятся к поздне-византийскому времени, скорее всего к XIII в. Они принадлежали, можно думать, городской общине какого-либо квартала и были, вероятно, посвящены «мученикам»—патронам этих кварталов (кстати сказать, в апсиде церкви № 6 найден небольшой мраморный саркофаг—могилница с акротериями по углам). Оба храма составляют определенную стилистически единую группу, объединенную не только хронологически, но и общностью композиции, строительной техники и даже приблизительно одинаковыми размерами.

В этих двух храмах все характерно: и их малая площадь, и объединенность их внутреннего пространства, и его сжатость и компактность (боковые ветви креста крайне сужены и почти атрофированы), и замена столбов колоннами, и усложнение ритма архитектурных масс в виде системы углубленных членений, подчеркивающих пластику фасадов, и, несомненно, повышенные пропорции (ведь только ради этого придавали лопаткам сложный профиль, выделяющий вертикаль). Все эти особенности в эпоху позднего средневековья были свойственны архитектуре различных областей—и Константинополя, и Малой Азии, и Болгарии, и Сербии, и Древней Руси, но всюду с теми или иными локальными отличиями, отчетливо выраженными. Эти общие черты были, повторяю, не результатом влияний, а выражением общей закономерности развития архитектуры на позднесредневековом его этапе.

Но зодчество позднесредневекового Херсона, представленное храмами № 21 и № 6, конечно, не образует самостоятельную архитектурную группу. По-видимому, формы этих церквей теснее всего были связаны с провинциальным зодчеством Болгарии—зодчеством своеобразным и специфичным: сила закономерности проявлялась здесь прежде всего в единстве и общности самих архитектурных принципов, не подавлявших и не умалявших локальные формы. Однако, черпая в Болгарии архитектурные композиции, херсонесские строители наслаивали на них черты зодчества Малой Азии (имею в виду Трапезунд), с которой повседневно общался Херсон и где находим прием гладкотесанной облицовки, не характерной для других областей (за исключением Закавказья).

³⁰ См., например: *Sarre F. Reise in Kleinasien. B., 1896. Taf. VIII, XVIII, XXX, XXXIV, XXXV.*

³¹ ОАК за 1891 г. С. 9; *Айналов Д. В. Памятники христианского Херсонеса. Развалины храмов. М., 1905. С. 126—128; Яковсон А. Л. Средневековый Херсонес. С. 239—240.*

Перенос в Таврику болгарские архитектурные формы, зодчие Херсона как бы включали свои произведения в общую цепь развития: херсонские храмы принадлежали тому же, что и в Болгарии, закономерно наступившему этапу позднесредневекового зодчества Средиземноморья.

* * *

Наша статья не претендует на исчерпывающую полноту. Некоторые памятники мы миновали, так как они ничего существенного не добавили бы к сказанному, например маленькие часовни-молебни, которых в Херсоне было довольно много³². Да и привлеченный материал далеко не полон. Надо иметь в виду, что рассмотренные здания дошли до нас в «археологическом виде», т. е. только в своих основаниях. Пространственную композицию мы могли более или менее уверенно представить лишь по аналогиям, а об архитектурном декоре, всегда очень показательном, могли судить лишь в отношении раннего средневековья — по мраморным капителям, фризам, преградам, мозаичным полам, а в более позднее время мы о декоре вообще почти ничего не знаем (за исключением мозаичного пола «шестистолпного» храма XI в. — № 34).

И все же наши заключения существенны. Они убеждают, что маленький провинциальный Херсонес на протяжении всего средневековья не отставал от монументального искусства своего времени и в меру своих материальных возможностей откликался на художественные явления современности, ясно отражая закономерные этапы архитектурного развития Средиземноморских стран.

³² Например, пристроенная к тыльной стороне куртины 19, близ башни Зинова, часовня к западу от восточной базилики или часовни на месте базилики, раскопанные в 1889 и 1932 гг., и другие. См.: *Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес*. С. 242—246.